

³⁸ Флоренский П. У водоразделов мысли. М., 1990. С. 17, 22.

³⁹ Степун Ф. Встречи и размышления. London, 1992. С. 177.

⁴⁰ Знаменательно это обращение к индуистской мифологии: софийное сознание Иванова проникнуто вселенской общностью утепляющих и укрепляющих мир связей, диалогических взаимоотношений, которые распространяются и на католический Запад, и на буддийский Восток.

⁴¹ Близкое Вяч. Иванову представление о соотношении сущности человека и животного дает итальянский гуманист XV в. Лоренцо Валла: «Итак, животные обладают памятью, как и мы, разумом и волей, потому что они обладают душой, как и мы. <...> Поэтому мы читаем [в Библии. – Н.Д.], что Бог сотворил и человека, и животное в живой душе и что в ней присутствует дуновение жизни, как и в самом человеке». Отличие человека от животного, по мысли Л. Валла, заключается в том, что «мы созданы вечными по образу и подобию Бога, а в ином подобны животным» // Валла Лоренцо. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. С. 322. Благодарю проф. Н.В. Ревякину за это ценное указание.

⁴² Шипфлингер Т. София-Мария. Целостный образ творения: Пер. с нем. М., 1997. С. 171.

⁴³ Лосев А. Указ. соч. С. 253–255.

⁴⁴ Горичева Т. М. Указ. соч. С. 56.

⁴⁵ Кравченко В. Указ. соч. С. 324.

⁴⁶ Дэвидсон П. Указ. соч. С. 215.

⁴⁷ Иванова Л. Указ. соч. С. 84.

⁴⁸ «...Микрокосм – точное подобие макрокосма и в некотором таинственном смысле не подобие только, но и тождество» (IV, 271).

⁴⁹ Федотов Г.П. Мать-земля: к религиозной космологии русского народа // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб, 1991. С. 66-77.

⁵⁰ Хоружий С.С. София – Космос – Материя: устои философской мысли о С. Булгакова // Вopr. философии. 1989. № 12. С. 87.

Н.П. КРОХИНА

Шуйский государственный педагогический университет

ГНОСТИЧЕСКАЯ СОФИЯ АЛ. БЛОКА

Уже современники подчеркивали двойственность соловьевской Софии, возможность «христианско-церковного» и «гностически-теософского» ее понимания¹. София божественная

двойственно сочетается с Софией космической. Этот космический элемент усиливается в русском символизме. Как писал Н.А.Бердяев, «почитание Софии как Богочеловечества они (А.Блок и А.Белый) заменили почитанием Софии как космической стихии, не божественной и не человеческой». Или «София космическая, а не божественная София заменила, подменила Христа»². Этот культ Софии не укрепляет, а расслабляет человека, и потому, полагал Н.А.Бердяев, «мрак нарастает в душе А.Блока»³. Чем, по Бердяеву, Блок отличается от Пушкина, Тютчева или Соловьева-поэта: «Душа Блока исключительно женственная, космическая душа», и потому она «вечно трепетала от космических вихрей, уносилась в снежные метели»⁴.

Тема Софии космической, восходящая к гностической древности, лишь намеченная в теургической поэзии Вл.Соловьева, определяет своеобразие уникального религиозно-художественного мира Блока. Именно Блок вводит в историю русской литературы тему Софии, подверженной катастрофам и падениям.

Древнейший источник софийных тем и мотивов в православной традиции – книги «премудрости» Ветхого Завета. София, Премудрость Божия, – важнейшее среди имен (Слава, Сила, Жизнь), означающих модус Присутствия Творца в сотворенном мире. Софийное сочетает имманентное и трансцендентное, человеческое и божественное, творение и Творца. Как подчеркивает С.С.Аверинцев, это «божественный человеческий образ»⁵, самораскрытие Бога в мире. София – образ Вечной Женственности в иудео-эллинской и христианской традициях, восходящий к парадоксальной соотнесенности девства и материнства, хозяйки и мироустроительницы. Дом – один из главных символов библейской Премудрости. София – «заботливая хозяйка космического «домостроительства», «трудолюбивая и заботливая хозяйка мирового целого»⁶. Мир Софии – это согласие, собирание мира в упорядоченное целое, это состояние внутренней собранности и бодрости духа. Православная софийность тесно связана с соборностью. В мире Софии часть подобна целому, низшее подобно высшему. Мир Софии воплощает идею иерархической лестницы бытия, описанную Псевдо-Дионисием Ареопагитом. «Для этого сопряжения, в котором горнее нисходит к дольному, а дольное восходит до горнее-

го, у русских адептов греко-христианского любомудрия было одно слово – София-Премудрость»⁷. Символика Софии неотделима от идей просветления плоти, преображения сотворенного мира, ее важнейшие образы – Богородица, Церковь, собор, храм, дом. София и Логос дополняют друг друга, София является в мире воплощением Логоса. Традиционный мир Софии теоцентричен и антропоцентричен, как и само библейское откровение. Святые и художники, как полагал С. Булгаков, способны видеть мир «в осиянии божественной Софии»⁸. Софийному чувству (например, народных праведников Ф. Достоевского) открывается тайна мировой гармонии и космической красоты, способной спасти мир от раздора и хаоса. «Вершина христианской любви есть непосредственное чувство мировой гармонии», по свидетельству Б. Вышеславцева⁹. Даже лосевское представление о «космоцентризме» греческой древности можно связать с первичным откровением Софии в эллинском мире, подобно тому, как Вяч. Иванов увидел в культе Диониса пробраз христианского страдающего Бога.

Но в истории духовной культуры существует другая трактовка образа Софии – в теософской традиции свободной религиозности, неортодоксальной мистики. Гностики, каббала и опирающаяся на эти традиции эпоха романтизма (в которой художник становится творцом собственного мира) вносят в древний лиро-эпический образ Софии-мироустроительницы драматические смыслы. Образ Софии космизируется и драматизируется. Миром правит не только Логос, но и Эрос. Речь идет о мире в широком смысле как тотальности (а не порядке и согласии), в котором сопряжены космос и хаос. Возникает эротическая символика двойственной Мировой Души, способной к падению и просветлению. Образ мира связывается не с гармоническим аполлоническим космосом в эллинском понимании (упорядоченное, украшенное, пронизанное Логосом целое), но с бесконечностью и непостижимостью – прерогативами божественного абсолюта (в мистическом богословии восточной церкви). Мистика Софии, способной сопрягать различное, порождает восходящий платоновский эрос, находящий свое воплощение в романтическом культе Вечной Женственности, двойственной Мировой Души.

Открытие бесконечного, релятивного мироздания составляет основное содержание блоковской поэзии: Родины с ее «необъят-

ными далями» (2,75)¹⁰, роковой метельной России, Города, где «ресторан, как храмы, светел, / И храм открыт, как ресторан» (2,204), а «жизнь пустынна, бездомна, бездонна» (3,22), «неизвестных, пугающих сил» в современном человеке (3,44) – в явлении Снежной Маски («Из очей ее крылатых / Светит мгла»-2,227) или «роковой пустоты» «в сердцах, восторженных когда-то» (3, 278).

Миры летят. Года летят. Пустая

Вселенная глядит в нас мраком глаз.(3,41)

Это открытие, определяющее пути искусства Нового времени, создает и в поэзии Блока антиномические отношения человеческого и космического, антропного и божественного. В эпоху Блока – эпоху «предельного кипения» «горячей культуры» Нового времени¹¹ разрушается логоцентрическая модель мира. Не случайно Н.А.Бердяев писал о Блоке: «Ему чуждо было начало Логоса, он пребывал исключительно в Космосе, в душе мира. Душа Блока исключительно женственная космическая душа»¹². «Всемирное чувство» (6, 370) приобщало поэта к потоку бытия, дионисийской стихии жизни. Открытость бесконечному и релятивному мирозданию порождала экстатическое переживание целостности мироздания – благого и страшного одновременно, двуединства полярностей. Поэтому поэзия Блока открыта хаосу и идет путем деструкции, растраты, «попиранья заветных святынь», приближаясь к редуцирующей и саморазрушительной сущности авангардного искусства.

В настоящее время существуют совершенно полярные прочтения поэзии А. Блока. Крупнейший исследователь творчества Блока последних десятилетий З.Г. Минц дает в своих работах следующее понимание его поэтического пути. Начинается мир Блока с дуализма, платонической оппозиции небо-земля, там-здесь, ты-я. Но проходя через «страшный мир», смерть души, через «приобщение к космическому целому», потоку бытия, стихии и их бесконечному движению по свободным, непредсказуемым путям, «герой воскресает... Герой совершает великий подвиг освобождения мировой души»¹³. В частности, в «итоговом для дореволюционного творчества Блока» цикле «Кармен», где «часть подобна целому», «я – то же, что и ты»¹⁴. И наоборот, С.Л. Слободнюк рассматривает «трилогию вочеловечения» с точки зрения нарастания «онтологии небытия»: «Трагическая разделенность героя с любыми формами бытия станет судьбой Блока», «В этом мире абсолютно все подчи-

нено не просто жизнеотрицанию, а неуклонному, безудержному стремлению в истинную смерть»¹⁵. О «еретической сущности» блоковской софиологии пишет В.А. Сарычев: «Блок сделал максималистические выводы из так называемой «вселенской религии» Вл. Соловьева (ее «богиня» – София), он не только возвысил Софию над Иисусом Христом, но и всю жизнь занимал последовательно антихристианскую позицию»¹⁶. Он всю жизнь оставался апокалиптиком, всегда тяготел «к кардинальному преобразению жизни», но софиологическая основа творчества вела к подменам и «обратным результатам»¹⁷. Это остро критическое восприятие Блока восходит к суждениям о Блоке его современников. В частности, о «мутных ликах» поэзии Блока в 1922 г. писал Н.А.Бердяев: вечная возможность «смещения и подмен» коренится уже в двойственности соловьевской Софии. Блок и Белый почитание Софии как Богочеловечества заменили «почитанием Софии как космической стихии... Этот культ Софии не укрепляет, а расслабляет человека», и потому «мрак нарастает в душе А. Блока»¹⁸. Или, как полагал К.Мочульский, «его трагедия в том, что Божество открылось ему как космическое начало, Вечная Женственность, а не как богочеловеческое лицо Христа. Он верил в Софию, не веря в Христа»¹⁹.

Но как пишет современный исследователь, «символизм всё настойчивее заявлял о себе как о новом миропонимании, которое стремится постичь мир как целое, во всей его бесконечности и глубине. Русские символисты захвачены чувством бесконечности мира, как и бесконечности внутренней жизни человека»²⁰. Из этого чувства бесконечности и проистекает та семантическая революция поэзии Серебряного века, которая утверждала противоположные ценности как равноправные и взаимодополнительные истины, порождая, вместо логоцентрической «мифопоэтическую» модель художественного сознания»²¹. Потому к эпохе трудно приложимы оценочные категории.

Д.М. Магомедова, исследуя «автобиографический миф» в творчестве А. Блока и выявляя его гностическую основу, сводит ее к «гностическому сюжету освобождения плененной Мировой души»²², восходящему к соловьевскому контексту: жизнь – теургический подвиг спасения Мировой души. В статье о Вл. Соловьеве «Рыцарь-монах» (1910) Блок формулирует теургическую сверхзадачу своего творчества. И для философа, и для поэта извечно существует «одно земное дело: дело освобождения пленной царевны, миро-

вой Души, страстно тоскующей в объятиях хаоса» (5, 451). Архетип этого подвига содержит древний миф о Персее и Андромеде, Пигмалионе, Орфее. Об эсхатологии этого подвига повествуют стихи Соловьева «Три подвига» и «Дракон: Зигфриду». «Все мы, насколько хватит сил, должны принять участие в освобождении плененной Хаосом Царевны – Мировой и своей души. Наши души – причастны Мировой» (5, 455). Апокалиптическое сознание эпохи воспринимало христианскую традицию сквозь призму личностно создаваемого религиозного опыта. Потому и возрождалась, в частности, гностическая древность, близкая современности своим недогматическим прочтением религиозной тематики. Видение Софии для Соловьева – это видение красоты божественного космоса, преображенного мира, что отвечало мужественно-теургическому пафосу его поэзии. Лирический герой поэзии Блока – иной, он наделен особой восприимчивостью к состоянию мира. И потому гностическая основа блоковского творчества связана не только с теургическим мифом (тема не-свершенного подвига), но с космической Софией Блока, с темой двойственной Мировой души, рождающей двойственное отношение к мировым явлениям. Проблема гностического прочтения А.Блока ставится в итоговых блоковских работах А.Белого «Поэзия А.Блока» (1916) и «Воспоминания о Блоке» (1922). «Блок повторил в биографии быта душевного всю биографию переживаний гностических»²³. А именно: нисхождение Софии в мир, томление, восхождение, появление Ахамот («темного хаоса светлая дочь»), ее метаморфозы и встреча с ней в безднах. Белый увидел двойственность героини уже ранней лирики Блока: переход софийной героини в космическостихийную. Двоится центральный образ «Стихов о Прекрасной Даме»: «Астарта, Луна вечно силится заслонить Ее» – небесную Софию, лучистую Деву²⁴. Уже ранние стихи Блока обращены к метаморфозам космической Софии.

В раннем творчестве Ал.Блока обычно видят дуалистическую оппозицию неба-земли, лазурного там и безрадостного здесь. Так, по мысли К.Мочульского, молодой поэт продолжает традицию «платонизирующей поэзии» А.Фета и Вл.Соловьева: «печальная земля тонет в тумане и мгле». По контрасту с призрачной реальностью реальность подлинная лучезарна: «Когда появляется Она – потоки света заливают небо..., вместо туманной мглы – золото в лазури»²⁵. Но как говорил сам Блок о своих ранних стихах (в письме

А.Белому 1910 г.), «вся история моего внутреннего развития «напророчена» в «Стихах о Прекрасной Даме» (8, 317). Мифологема Вечной Женственности, организующая космическое творчество Блока, порождает уже в ранних стихах «двойственное ко всему отношение» (8, 183). «Лунное начало эстетизма» и «соляренный мир панэстетизма», в определении А.Ханзен-Лёве полярных начал русского символизма²⁶, не противостоят, но антиномически сочетаются в ранней поэзии Блока: полярность-комплементарность, удаленность-близость, холод-тепло, смерть-жизнь, безумие-озарение, оцепенение-динамика, потерянности-обретение себя, немота-провозвещение, пустота-полнота мира, волшебство-служение, декаданс, крушение-восхождение, безысходность-путь. Сочетаются как взаимодополняющие грани двойственной Мировой Души, космической Софии Блока. Апокалиптическая тема обновления, пробуждения, зари и весны, «царственного пути»(1,118) к «несказанному свету»(1,169) антиномически сочетается с природно-космической семантикой душевного ненастья, ночи, мглы, холода, неверного и бездушного лунного света, тревогой и безнадежностью:

«Я шёл к блаженству»(1,20) —	«Я шёл во тьме дождливой ночи»(1,40)
«Безнадежен мой путь»(1,97) —	«Стою на царственном пути»(1,118)
«Сумерки, сумерки вешние...	«Кругом далёкая равнина,
В сердце — надежды нездешние...	Да толпы обгорелых пней...

Отзвуки, песня далёкая...»(1,119)	Здесь между небом и землёю
	Живёт угрюмая тоска...»(1,122)
«Из лазурного чертога —	«И снова он — до боли жгучий,
Время тайне снизойти» (1,128) —	Бессильный сон раба» (1,138)
«Ах, ночь длинна, заря бледна	«И от вершин зубчатых леса
На нашем севере угрюмом»(1,198) —	Забрежит брачная заря»(1,204)

«Душа блаженна, Ты близка»(1,244) — «Ты далека, как прежде,
так и ныне»(1,117).

Музыка души спорит с лунным безмолвием:

«А в сердце, замирая, пел	«В моей душе отражена
Далёкий голос песнь рассвета»(1,20)	— Обитель страха и молчанья»(1,47)

Тема двойственной Мировой Души, пребывающей в вечной метаморфозе, и оказывается преобладающей. Отсюда и страх: «Но страшно мне: изменишь облик Ты»(1,94). И предчувствие: «В Тебе таятся в ожиданьи / Великий свет и злая тьма»(1,190).

Антропный план этих стихов, образ девушки любимой, строгой и чистой, мечтательной Девы-Офелии, романтическая влюбленность поэта ассоциируется то с луной, «холодной богиней» (1,15), то с «лучезарным виденьем»(1,47). В ней также открывается двойственность, она – «светлая»(1,296) и «непробудная»(1,318).

В этом неустойчивом синтезе антропного-природно-космического-божественно-сакрального явственно выявляется доминирование космологического плана, ассоциируемого прежде всего с лунной темой, изменчивым, мерцающим лунным светом. Образ луны, «Закатной, Таинственной Девы» (1,110) – важнейший в ранней лирике Блока:

«Непонятная тревога / Под луной царит» (1,6);

«Полно стремиться к холодной луне!» (1,7);

«Земля пустынна, ночь бледна, / Недвижно лунное сиянье» (1,47);

«В полночь глухую рождённая, / Ты серебрилась вдали» (1,71);

«За туманом, за лесами / Загорится – пропадёт» (1,99);

«Невозмутимая, на тёмные ступени / Вступила Ты, и, Тихая, всплыла» (1,100);

«Прозрачные, неведомые тени / К Тебе плывут, и с ними ты плывёшь» (1,107);

«Тебя пою, о, да! Но просиял твой свет

И вдруг исчез – в далёкие туманы...

Тебя не вижу я, и долго Бога нет.

Но верю, ты взойдёшь, и вспыхнет сумрак алый» (1,109);

«Ты прошла голубыми путями, / За тобою клубится туман» (1,112);

«Ты в белой вьюге, в снежном стоне / Опять волшебницей всплыла» (1,143);

«Безысходно туманная – ты / Предо мной затеваешь игру» (1,186).

Поэт множит бесконечные определения лунного света – тревожного, холодного, изменчивого, туманного, таинственного, пребывающего, подобно Мировой Душе, в вечной метаморфозе. Потому так драматично мерцание света-мглы, печали-радости, надежды-безнадежности в ранней лирике Блока. В этом драматическом богоявлении изменчивой, двойственной Мировой Ду-

ши поэт и обретаёт мифопоэтическую антиномичность слова-образа, сочетая несочетаемое, «благословляя свет и тень» (1,220):

«Пусть светит месяц – ночь темна» (1,3); «Я видел мрак дневной и свет ночной» (1,56); «Я сам в себе с избытком заключаю / Все те огни, какими ты горишь» (1,88); «Но верю, ты взойдёшь, и вспыхнет сумрак алый» (1,109); «Над твоей голубою дорогой / Протянулась зловещая мгла. / Но с глубокою верою в Бога / Мне и тёмная церковь светла» (1,112); «Мы помчимся к бездорожью / В несказанный свет» (1,169); «Я знаю: Ты здесь. Ты близко. / Тебя здесь нет. Ты – там» (1,237).

Откровение двойственной космической Софии и ведёт к помрачению золотисто-лазурного мира небесной Софии. Как писал поэт в 1919 г., «мир устроен так, что не могут не выступить на сцену темные силы там, где началась мистерия» (6, 388–389). Начинается переход от «тезы» к «антитезе» – прохождение через синелиловый сумрак, ночь, смерть души, «попиранье заветных святынь». Начинается путь поэта нисходящий – в хаос и пустоту «страшного мира». В этом нисходящем пути Блок становится великим национальным поэтом: «Он нищ, как...Россия»²⁷. Происходит не «разрушение утопий Вл.Соловьёва», не «преодоление соловьевского мистицизма»²⁸, а развертывание темы падшей, гностической Софии, намеченной в поэзии Соловьёва²⁹. Из этого «падения» – интуиции космической Софии, подверженной катастрофам и падениям, Блок создаёт свою собственную богатейшую неомифологию метаморфоз хаосогенной Мировой души: стихии – Снежной маски – Снежной девы – Фаины – Незнакомки – России, святыни, «созданной из бед и погибелей»³⁰ – «страшного мира» с его забвением и пустотой души – Кармен – Двенадцати – Скифов.

Если софийная тема в теургической поэзии Вл. Соловьёва редуцирует мировой и личный катастрофизм, в поэзии А. Блока софийная тема углубляет этот катастрофизм. Как писал А. Белый, «символизм углубляет либо мрак, либо свет: возможности превращает он в подлинности: наделяет их бытием... Художник воплощает в образе полноту жизни или смерти»³¹. Центральный образ поэзии Блока «таинственной Девы» космизируется и демонизируется. Божественная «Хранительница-Дева» – невеста, сказочная царевна, теряя свой изначальный усадебный тоpos, превращается в

Снежную Деву – воплощение природной стихии, метельной России. Путь в мир, к обретению мирового сознания осознается мистиком как падение Софии – мировой и собственной души. В гибельном пути поэта возможно только дионисийское – центробежное, саморазрушительное приобщение к мировой стихии, потоку бытия, путь расточения, саморастраты, гибели души. Это было обретение невиданной в русской поэзии трагической двойственности, антиномичности переживаний. Поэзия Блока разворачивается в двойном порыве: разоблачить мрак и хаос жизни; приблизить, вплотить мир своей мечты; слиться с мировой стихией, причастность которой включает и гибель, и услышать мировую музыку, космические ритмы страсти и творчества. Есть «непроглядный ужас жизни», но «в тайне мир прекрасен», реальны и «жизни сон глухой», и «несбыточная явь», мир «страшный» и мир «странный», душевная опустошенность и озаренность, забвение и память. «Удесатеренная жизнь» в мире Блока состоит в постоянном качании маятника. Душа падает в «бездны отчаяния» и поет: «Готовая умереть, она чудесно возрождается; готовая к полету, срывается в пропасть..., израненная – поет... Истоптанная – возносится к прозрачной синеве...» (2, 3). Эта поэзия знает мрак и нищету мира и равно знает «мира восторг беспредельный». Поэзия Блока с его «трагическим сознанием неслиянности и нераздельности всего» (3, 296) акцентирует мировую антиномичность. Все двулико, все двойственно в поэтическом мире Блока. Все жизненно-ценное в этом мире поставлено под знак трагически-«двойственного» отношения к явлению» (7, 365): история, родина, культура, творчество, страсть.

Эта двойственность блоковского мира была отражением двойственности его поэтической индивидуальности, в свою очередь бывшей отражением двойственной Мировой Души («Я сам такой, Кармен»). Об этой особой поэтической восприимчивости Блока писал Н.А.Бердяев: «У Блока была гениальная индивидуальность поэта, но не было личности. Личность причастна Логосу... Личность создает лишь Логос. Но Блок был целиком погружен в стихию Космоса... Он был романтиком в том смысле, что в нем дух был совершенно погружен в душевно-космическую стихию и пленен ею³². Блок жил, по словам его матери, «страстями и духом»³³. Двойственность поэтического мировосприятия отражается

в раздвоенности жизни Блока, бывшего характерным выразителем своей двоящейся эпохи. Как вспоминал Г. Чулков, «чем мятежнее и мучительнее была внутренняя жизнь Блока, тем настойчивее старался он устроить свой дом уютно и благообразно. У Блока было две жизни – бытовая, домашняя, тихая и другая – безбытная, уличная, хмельная. В доме Блока был порядок, размеренность и внешнее благополучие. Правда, благополучия подлинного и здесь не было, но он дорожил его видимостью. Под маскою корректности и педантизма таился страшный незнакомец – хаос»³⁴.

Важнейшая закономерность поэтического мира Блока с его «трагическим сознанием неслиянности и нераздельности всего» (З, 296) – трагическая двойственность мироотношения. «Страшный мир» гностически реален в зрелом творчестве Блока (потому поэт и не свершает свой подвиг освобождения Мировой души), а не только «неизбежный этап на пути от прошлого к будущему». «И мглы бед неотразимых / Грядущий день заволокло», – писал Соловьев в 1900 г. (с. 136). Эту тему мглы Блок актуализирует в цикле «На поле Куликовом». Она проходит и через третий том лирики. Будущее тоже амбивалентно. Поэт знает «холод и мрак грядущих дней» (З, 63). Поэт осознает себя «невоскресшим Христом» (З, 246), погибающим в битве со «старым роком», «не свершившим» (8, 473) свой подвиг освобождения спящей царевны. Трагическим героем, Гамлетом («Я – Гамлет...» З, 91), обреченным погибнуть. «Но гибель не страшна герою» (З, 136). Ибо это единственно возможный путь искомого подвига освобождения Мировой Души в неомифологии зрелого Блока: «Донна Анна в смертный час твой встанет» (З, 81). Потому Блок говорит о своей «любви к гибели» (8, 317).

Д.М. Магомедова, исследуя «автобиографический миф» в творчестве Блока, выявляет трансформацию изначального соловьевско-гностического сюжета об освобождении пленной Мировой души: открытие стихийного, вьюжного облика мира, приобщение к народной душе и, наконец, его «стринберговское» завершение («Роза и крест», «Соловьиный сад»): «любовный плен и возвращение в нищий и жесткий мир»³⁵. Мифологема плененного героя столь же древняя (Одиссей-Цирцея, Тангейзер-Венера), как и гностический сюжет плененной сакральной героини (Персей-Андромеда, Орфей-Эвридика). Таким образом, выявляется еще одна двоящаяся модель в творчестве Блока. Но,

бесспорно, не «стринберговский» сюжет завершает соловьевско-софийную проблематику творчества Блока.

«Душа моя подражает цыганской и буйству и гармонии ее вместе», – пишет Блок в 1912 г. (7, 138). Это подражание душе цыганской нашло самое полное воплощение в лирическом цикле «Кармен», образе Кармен – новой мифологеме Вечной Женственности у Блока. Образ Кармен антиномичен: это неистовая цыганка с «огневым станом», «бред моих страстей напрасных» и Прекрасная Дама – «стан певучий», «всех линий – таянье и пенье», «царица блаженных времен», вызывающая платонический восторг поэта и «творческие сны». В ней антиномически сходятся стихийная и софийная героини поэзии Блока.

Воплощением двуединства полярностей блоковского космоса становится двоящаяся героиня его поэзии, в которой возможно превращение софийной героини в стихийную и, наоборот, обнаружение в стихийной героине софийных смыслов. Поэтому так антиномичен образный строй цикла: забвение и память, восторг и страх, тишина и буря страстей, лицо и лик, свет-ночь, «нет счастья» – «слезы счастья». Героиня цикла – воплощение двойственной Мировой Души.

Это еще один образ спящей царевны в творчестве Блока, «погруженной в сказочный сон» – Мировой и своей души, образ андрогинной души поэта, к которому нас обращает работа Соловьева «Смысл любви». «Буря цыганских страстей» здесь и «гармония светил», восторг восходящей любви там:

Все – музыка и свет: нет счастья, нет измен...

Мелодией одной звучат печаль и радость... (3, 239)

Гибель здесь и «творческие сны» там. В этой двойственности открывается тайна души вселенской. Музыкальный образ Кармен (обращающий к душе самого поэта) увенчивает галерею женских образов в поэзии Блока, организующих мировое целое. В стихии, хаосе расслышать мировую музыку. «И в цыганщине освобождает он связанное огневое начало любви»³⁶. Основной миф зрелого творчества поэта – преображение стихийной героини в софийную, тайна приобщения к небу – случайной ресторанной незнакомки («В ресторане») или неистовой цыганки Кармен. Поэт приходит к типично русской теме возрождения павшего человека. В поэзии Блока софийная героиня превраща-

ется в носительницу стихийного начала, а в стихийной героине возможно пробуждение софийных смыслов.

В отличие от первоначально близкого А. Белого, творчество которого определяет «недовоплощенность женского начала в мире»: и в «Серебряном голубе», и в «Петербурге» являются его шаржированные, сниженные воплощения, делающие Белого «кубистом в литературе» (Н. Бердяев). Л. Силард связывает это с «гностической установкой его творчества – ноуменальное может явиться в мире феноменов лишь в «гримассированных символах»..., расщепленно-сниженных формах»³⁷. Данный вывод исследователя также правомерен, поскольку гностическая традиция была близка эпохе Серебряного века особой ролью индивидуального опыта переживания религиозно-божественных тем. Соловьев и Блок утверждали возможность земного воплощения Софии, а личный опыт Белого вел, напротив, к сомнению в этом воплощении. У Блока подобный сниженный женский образ как знак торжества бесовской стихии (заклясть которую способен только Христос) является в «Двенадцати». Но вместе с этим антимузыкальным состоянием мира поэт переживает невозможность творить и, следовательно, жить.

Как никто из своих современников, он творчески претворяет завет Вл. Соловьева: «Для Бога Его другое (т.е. вселенная) имеет от века образ совершенной женственности, но Он хочет, чтобы этот образ был не только для Него, но чтобы он реализовался и воплотился для каждого индивидуального существа, способного с ним соединяться»³⁸. Именно поэт способен воплотить, увидеть этот образ Божий и вместе с тем образ бытийно-космический в конкретном женском лице. Без диалога с мировым женственным началом в его различных ипостасях творчество Блока невозможно. Мистерия и трагедия этого диалога, раскрывающего мировую двойственность, трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего, и создает уникальный религиозно-художественный мир Блока.

¹ Соловьев С.М. Идея церкви в поэзии Вл.Соловьева // Соловьев С.М. Богословские и критические очерки. М., 1916. С.159.

² Бердяев Н.А. Мутные лики. «Воспоминания о А.А.Блоке» А.Белого // Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С.323.

- ³ Там же. С.324.
- ⁴ Бердяев Н.А. В защиту Блока // Ал.Блок: pro et contra. СПб., 2004. С.453–455.
- ⁵ Аверинцев С.С. София-Логос: Словарь. Киев, 2001. С.12.
- ⁶ Там же. С.231–232.
- ⁷ Там же. С.241.
- ⁸ Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С.34–35.
- ⁹ Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопр. философии. 1995. № 6. С.120.
- ¹⁰ А.Блок цит. по изд.: Блок А.А. Собр.соч. В 8 т. М.;Л., 1960–1962.
- ¹¹ Якимович А.К. Двадцатый век: Культура. Искусство. Картина мира. М., 2003. С.176.
- ¹² Бердяев Н.А. В защиту Блока // Ал.Блок: pro et contra. СПб., 2004. С.453–455.
- ¹³ Минц З.Г. Поэтика Ал.Блока. СПб., 1999. С.327, 331.
- ¹⁴ Там же. С.526, 529.
- ¹⁵ Слободнюк С.Л. Соловьиный сад. Трилогия вочеловечения А.Блока: Онтология небытия. СПб., 2002. С.92–93.
- ¹⁶ Сарычев В.А. Ал.Блок: Творчество жизни. Воронеж, 2004. С.326, 7.
- ¹⁷ Там же. С.122, 320.
- ¹⁸ Бердяев Н.А. Мутные лики. С.319–324.
- ¹⁹ Мочульский К.В. А.Блок // Мочульский К.В. А.Блок. А.Белый. В.Брюсов. М., 1997. С.81.
- ²⁰ Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000. С.16.
- ²¹ См.: Мусатов В. Взгляд на русскую литературу XX века // Вопр. лит. 1998. № 3. С.80.
- ²² Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А.Блока. М., 1997. С.66–67.
- ²³ Белый А. Воспоминания о Блоке // Белый А. О Блоке. М., 1997. С. 262.
- ²⁴ Там же. С.47.
- ²⁵ Мочульский К.В. А.Блок // Мочульский К.В. Указ. соч. С.48.
- ²⁶ См.: Ханзен-Лёве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. С.47.
- ²⁷ Белый А. Указ. соч. С.432.
- ²⁸ Минц З.Г. Поэтика Ал.Блока. С.32, 35.
- ²⁹ См. подробнее: Крохина Н.П. Гностическая София в поэзии Вл.Соловьева и Ал.Блока // Соловьевские исследования: Период. сб. науч. тр. Иваново, 2002. Вып.5. С.235–258.
- ³⁰ Чуковский К. Книга об Ал.Блоке. Пб., 1922. С.72.
- ³¹ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.256.

³² Бердяев Н.А. В защиту Блока // Указ.соч. С.454. По Бердяеву, человек в полноте своей – это космос и личность.

³³ Письмо А.А.Кублицкой-Пиоттух к Е.П.Иванову от 18.04.1912 // Литературное наследство. Т.92. Кн.3. М., 1982. С.398.

³⁴ Чулков Г. Ал.Блок и его время // Ал.Блок: pro et contra. С.472.

³⁵ Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. С. 48.

³⁶ Белый А. Воспоминания о Блоке. С.400.

³⁷ Силард Л. Андрей Белый // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х гг.). М., 2001. Кн.2. С.165.

³⁸ Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С.145–146.

А.В. ГУНЧЕНКО

Ставропольский государственный университет

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ

Еще Н.Бердяев отмечал, что необыкновенно богатая и разносторонняя, загадочная натура Вл. Соловьева, философа, стремящегося к «всеобщей целостности», страдала, прежде всего, от отсутствия целостности в ней самой. В ней могли уживаться и совмещаться самые неожиданные и противоречивые мысли. Как следствие этого, односторонняя абсолютизация того или иного аспекта его творчества, оттенение той или иной грани его личности давали разные результаты, становились истоками самых противоположных и подчас взаимоисключающих суждений о нем, порождали самые разнообразные течения. «Два обер-прокурора Св. Синода признавались его друзьями и учениками, от него пошли братья Трубецкие и столь отличный от них С. Булгаков..., его считали своим антропософом», «правые и левые, православные и католики одинаково ссылались на него и искали в нем опоры»¹. Кроме того, в жизни и творчестве Вл. Соловьева находило источник, с ним себя связывало и ему поклонялось, как родоначальнику, целое литературно-художественное направление – русский символизм.

В 1912 г. главный теоретик символизма Вяч. Иванов писал наиболее крупному поэту Серебряного века А. Блоку, что сбли-